

Номад

Адам Базарский

Номад

<https://litres.ru/74019903>

SelfPub; 2026

Аннотация

1647 год. Великая Степь. После внезапного набега казахского отряда дочь ойратского хана Багатура, пятнадцатилетняя Даяна, и её брат Самбуу становятся заложниками. Чтобы спасти аул, ойраты выигрывают три смертельных поединка, но дети хана всё равно уводят в плен.

В ставке казахского хана Баймурзы Даяна сталкивается с ненавистью и жестокостью. Однако сын хана Мустафа, по воле умирающего отца, берёт её в жёны. Между заклятыми врагами постепенно рождается настоящее чувство. Даяна находит новый дом, учится прощать и объединять два народа.

Но одно решение — обмен пленными — приводит к тяжёлому родовому проклятию: в их роду отныне будет рождаться лишь один сын на поколение.

«Государство ойратов» — яркая историческая сага о любви, чести, мести и примирении враждующих степных народов. Эпические битвы, обычаи кочевников и сила человеческого сердца, способного преодолеть вековую кровь.

(782 символа с пробелами)

Адам Базарский

Номад

ГОСУДАРСТВО ОЙРАТОВ

Лето от Рождества Христова 1647 года

Глава 1. Солнце в зените и тень под юртой

Солнце стояло в самой своей поре, когда тени под телегами скукоживались до размера заячьего уха, а воздух над Великой Степью дрожал, словно тетива боевого лука. Аул, раскинувшийся в излучине сухого ручья, жил своей неспешной, вековечной жизнью. Пять десятков душ — три десятка юрт, крытых серым войлоком, — приютились у подножия пологого холма. Еще вчера здесь былолюдно и шумно, ибо в самом большом шатре, расшитом золотыми драконами, заседал хан со своими нукерами.

Ныне же аул осиротел. Багатур-хан, чье имя гремело от Алтая до Хангая, ушел с отборной сотней воинов на закат. Тридцать верст — не путь для конного ойрата, но путь для торговый. На дальней кочевке, у колодцев Трех Берез, соседний хан, старый лис Долгор, дожидался табуна. Отец семейства вернется не раньше, чем молодая луна трижды народит-

ся и вновь оскудеет. А пока власть в юрте перешла к дочери.

Даяна, пятнадцати весен от роду, сидела на парчовых подушках, скрестив по-мужски ноги — вопреки обычаю, который велел девушкам поджимать их под себя. Ей было плевать на обычаи, когда в руках была игла. За окном стоял жаркий, густой день, пахло нагретой кожей и полынью, а посреди юрты, на красном войлоке, были разложены лоскуты. Две подруги, дочери нукеров — тонкобровая Алтан и черноглазая, вертлявая как ящерица, Хулан — помогали ей шить камзол для младшего брата. Расшивали воротник синим бисером, который привезли из далекого Самарканда.

— Твой стежок крив, как старая узда, — беззлобно сказала Даяна Хулан. — Брат поколотит меня, если камзол будет рябым.

— Твой брат Самбуу поколотит скорее тебя? — рассмеялась Алтан. — Да он скорее переломает себе руки, чем поднимет их на ханскую дочь.

В этот момент снаружи, за пологом юрты, раздался отчаянный визг, перешедший в хриплый лай, и следом — тяжелый топот и сытая матерщина на родном языке.

— Шайтан! — рявкнул чей-то молодой, ломающийся го-

лос. — Чтоб твоя печень ссохлась!

Полог юрты распахнулся, впуская внутрь клуб жаркого воздуха и мелкую пыль. На пороге стоял Самбуу, шестнадцатилетний брат Даяны, с лицом красным от гнева и смеха одновременно. В левой руке он держал еще дымящийся, жирный кусок бараньего курдюка, а правой ногой продолжал наносить удары в сторону пустоты.

— Видели? — выдохнул он. — Карабаш, пес с душой во-ра! Хозяин режет верблюда — мясо поет песни, ожидая но-жа. А этот... он утащил филейную часть! Прямо перед моим носом!

И точно, вслед за братом, пошатываясь, ввалился стар-ый волкодав Карабаш — клыкастый, с седой мордой и хво-стом, намертво скрученным в баранку. В пасти его и впрямь болтался внушительный ломоть свежей верблюжатины. Пес, справедливо полагая, что добытое в честной схватке (или под шумок резни) принадлежит ему, глухо рычал, не разжи-мая челюстей.

Самбуу, недолго думая, размахнулся и смачно пнул пса в лоснящийся бок. Карабаш взвизгнул, но мясо не выпустил. Тогда молодой ханский сын ухватил зверя за загривок, про-вернул его в воздухе, словно веретено, и с коротким напут-

ствием: «Айда на солнце, падаль!» — вышвырнул пса через низкую дверь наружу.

Войлок упал, снаружи раздался обиженный скулящий звук, а затем звук чавканья — Карабаш всё-таки проглотил украденное, не жуя.

Даяна вскочила. Игла выпала из пальцев, вонзившись в войлок. Глаза ее сверкнули степным гневом.

— Самбуу! Ты, чудище косолапое! — закричала она голосом, которым их отец, бывало, останавливал коней на полном скаку. — Не смей бить пса! Это священный зверь! Карабаш спас твою жизнь в позапрошлую зиму, когда волчья стая отрезала тебя от аула! А ты его — ногой?!

Самбуу, вытирая жирные руки о полы цветастого халата, ухмыльнулся:

— Спас? Я тогда сам отбился нагайкой! А он просто лаял из-под телеги. И мясо воровать нечестно. А ну, иди сюда, сестра, помиримся, пока я тебя тоже не пнул.

Однако в голосе его не было злобы. Было лишь баловство старшего брата, для которого вся жизнь — игра в джигитовку. Даяна, зная брата как облупленного, вместо дра-

ки схватила с подноса пиалу с кумысом и выплеснула ему в лицо.

Самбуу расхохотался, отряхиваясь.

— Как есть мать! Так же злилась, когда мы из шкуры варварина тетиву делали.

Он хлопнул дверью и вышел догонять дружков, которые уже дорезали верблюда у колоды, напевая протяжную, хриплую песню о ханских походах.

В юрте повисла тишина. Алтан, переглянувшись с Хулан, хихикнула. Затем, наклонившись к Даяне, она негромко, с той особой женской лукавостью, которая не меняется ни среди неолита, ни среди средневековья, проговорила:

— А у тебя, Даяна, брат — красивый. Плечи как у барса, а смех как горный ручей.

Даяна, все еще покрасневшая от вспышки гнева, вдруг остыла. Она подобрала иглу, воткнула ее в сукно и тяжело вздохнула. Пятнадцать лет — возраст горьких истин.

— Красивый, — согласилась она, не поднимая глаз. — Только не смотри на него, Алтан. Потеряешь время. Отец,

когда уезжал, наказал мне, а сам шепнул моему дяде-тысячнику: «К осени сватаем дочь за старшего сына Таргата из рода Борджигин». У меня нет шансов.

Алтан, тронутая внезапной печалью подруги, помолчала. Потом горько усмехнулась и, подражая взрослым женщинам, поправила платок:

— Больно он мне нужен, твой Самбуу. Вечно в крови да в пыли. Мой отец, воин Удегей, уже дал слово хану Убаши. Меня просватали за его третьего сына, слепого на один глаз, зато богатого, как купец из Бухары. Так что мы с тобой, подруга, обе невольницы. Ты — шьешь камзол для брата, а не для любимого. Я — смеюсь, а завтра заплачу.

Снаружи, сквозь войлок, донесся далекий крик пастухов. В долине, за холмом, бродили отары баранов. Волкодавы, косматые и злые, охраняли покой скота. Солнце клонилось к западу, отбрасывая длинные тени юрт на черную, маслянистую землю. И в этом размеренном, жестоком и прекрасном мире, где режут верблюдов, шьют камзолы, а отцы продают табуны за тридевять земель, две девочки на пороге женской зрелости отмеривали нить для чужих судеб.

А вдалеке, за синей кромкой горизонта, громоздились тучи, обещающая к ночи грозу — первый предвестник осенних

смут и набегов. Хан Багатур вернется через месяц. Но вернется ли он в тот же аул, где всё так же пахнет дымом, кислым молоком и свежей кровью? Время, раскинув карты, только начинало тасовать колоду.

Глава 2. Чистый клинок и девичья доля

Даяна в последний раз вонзила иглу в сукно и, откусив нить зубами, осмотрела камзол. Синий бисер вспыхнул в луче, пробившемся сквозь дымовое отверстие юрты. Работа была закончена. Она отложила шитье в сторону и провела ладонью по лицу — убрала выбившуюся из-под платка прядь волос, черных, как смоль, густых, точно конский хвост.

Степные женщины в пятнадцать лет уже не девочки. Даяна была высока для ойратки, тонка в поясе, но с плечами, округлившимся не мягкой девичьей полнотой, а той скрытой силой, что досталась ей от отца-хана, ломавшего подковы голыми руками. Лицом она пошла в мать: разрез глаз — чуть с прищуром, с лукавинкой, скулы не выдающиеся, а точеные, словно резец мастера прошелся по слоновой кости. Но в отличие от матери, смотревшей на мир с покорной мудростью, Даяна глядела прямо, смело, как смотрят орлята, только что выбравшиеся из гнезда. Косы ее, если бы она их распустила, легли бы на войлок толщиной в мужскую ладонь. Но сейчас — аккуратно под платок, две тугие черные

змеи, едва касающиеся пояса.

— Вот и всё, — сказала она, вставая. Хрустнули колени: долго сидели на подушках. — Пойдем, Алтан. Бабушка научила меня одному: камзол хорош, когда руки отдохнувшие.

Алтан, ее вертлявая подруга, тоже поднялась, отряхнула платье. Вместе они вышли из юрты.

Солнце уже начало клониться к западу, но жара не ушла — она только стала другой, плотной, тяжелой, как баранья шкура после дождя. Возле соседнего шатра, где разделявали верблюда, воздух был пропитан запахом сырого мяса, крови и горячего жира. Самбуу с тремя дружками — все в полосатых халатах, подпоясанные кожаными ремнями, с ножами за голенищами — уже управились с тушами. Два верблюда лежали на циновках, разрубленные на части: грудинки, рёбра, лопатки — всё было разложено в строгом порядке, как велит степной обычай.

Один из друзей, широколицый парень по имени Арслан, уже воткнул в землю рогатину, навесил над ней закопченный чугунный казан, а рядом развел невысокий костер из саксальных щепок. Другой, Байтаг, с гордостью новичка, показывал остальным, как правильно коптить жирный верблюжий горб: насаживал его на длинные прутья, подвешивал над тле-

ЮЩИМ АРЧОВНИКОМ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.